

Глава 13. Деревня древних призраков (11)

В голове Чэн Миня медленно вырос воображаемый вопросительный знак. Он посмотрел на Юй Фансюя долгим, ледяным взглядом, в котором уже начали проскальзывать отчетливые нотки жажды убийства.

Тот мгновенно передумал:

— А можно я просто лягу рядом?

— Нет, — отрезал Чэн Минь. Он уже давно понял: таким, как Фансюй, нельзя давать ни малейшего повода. Стоит проявить хоть каплю мягкости, и он тут же на шею сядет — приклеится, как банный лист, и вовек не отвяжешься.

Юй Фансюй обиженно надул губы и рухнул обратно на свою кровать.

Хлипкий деревянный каркас издал протяжный, жалобный треск. Едва коснувшись матраса, Фансюй замер и моргнул.

— Твою ж...

Раздался грохот. Низкокачественная конструкция не выдержала и с треском развалилась. Юй Фансюй даже не успел среагировать — он просто исчез в облаке пыли и обломков.

Когда пыль немного улеглась среди перевернутых подушек и одеял, Чэн Минь увидел высокого мужчину, погребенного под остатками кровати. Он, ставший свидетелем этой катастрофы от начала до конца, схватился за живот. Он покраснел — он из последних сил сдерживался, чтобы не заржать в голос.

В соседней комнате Цинь Яо, прижавшись к груди Чжан Цзымана и постигая нелегкую науку «как правильно обнимать девушек», вздрогнул от шума обрушения за стеной. Он вскинул голову:

— Что там случилось? Почему Сяо Минь так весело смеется?

Цзыман посмотрел на него. В этот момент Яо напоминал испуганного котенка, и сердце Чжана предательски екнуло. Однако он остался предельно серьезным.

— Внимательнее на уроке!

— Простите, учитель, я виноват, — послушно пробормотал Цинь Яо.

Он поднял свои огромные глазищи и несколько раз невинно моргнул. У Чжан Цзымана внутри всё перевернулось; он невольно скользнул взглядом к воротнику рубашки парня.

Само обращение — «учитель» — действовало на него пугающе возбуждающе. Цзыман помрачнел. Он плавно провел рукой по спине Цинь Яо, спускаясь всё ниже...

— Нерадивых учеников положено пороть, — негромко произнес он.

Юй Фансюй с трудом выбрался из-под обломков, выглядя довольно помятым. Он посмотрел с тихой скорбью на Чэн Миня, который уже перешел от сдавленного хихиканья к откровенному хохоту.

— Теперь в комнате осталась только одна кровать, — вкрадчиво заметил Юй.

Смех оборвался. Чэн Минь мгновенно окаменел. Он решительно указал пальцем на пол:

— Спишь на коврикe.

— Ну ладно, — протянул Фансюй ледяным тоном. — Но если ночью со мной что-то случится, и я превращусь в какую-нибудь нечисть... я положу руку тебе на край кровати, медленно заберусь под одеяло и схвачу за лодыжку...

Голос его становился всё более жутким. Чэн Минь с головой накрылся одеялом:

— Да черт с тобой, ложись уже! Хватит болтать!

Юй Фансюй торжествующе улыбнулся. Он поднял с пола свое одеяло, стряхнул древесную щепу и пыль, после чего счастливо растянулся рядом с Чэн Минем. Глубоко вздохнув, он внезапно перевернулся на бок, намертво сгреб Миня в охапку и опутал его руками и ногами, словно осьминог.

— Пошел вон!

Тем временем за стенкой...

Чжан Цзыман изящно прислонился к изголовью кровати, задумчиво разглядывая свою ладонь. Ощущения были весьма приятными. Цинь Яо же, едва не плача от возмущения, яростно смотрел на него.

Ну ладно «пороть», но зачем же так сильно-то прикладываться?!

— Продолжим? — спросил Цзыман, даже не поднимая головы.

В комнате надолго воцарилась тишина. Наконец Цинь Яо едва слышно ответил:

— Да...

— Учитель может быть очень суровым, — в голосе Чжан Цзымана проскользнули редкие мальчишеские нотки.

Заметив, что тон собеседника смягчился, Цинь Яо набрался смелости и огрызнулся:

— И пусть! Бей сколько хочешь, я не боюсь.

Цзыман мысленно посоветовал ему запомнить эти слова — в конце концов, порка бывает уместна не только в качестве наказания.

Но раз был кнут, должен быть и пряник.

Чжан поднялся и пересел на кровать к Цинь Яо, принявшись мягко разминать ушибленное место. Парень зажмурился. Было чертовски удобно: ладонь у Цзымана была большая и горячая, она мгновенно согревала всю пострадавшую область.

— За хорошее поведение учитель может научить тебя... как правильно целоваться, — после недолгой заминки произнес Чжан. Он не хотел раскрывать свои карты так рано, но и скрываться вечно не собирался.

— Целоваться? — Яо опешил. Он с сомнением оглядел Цзымана с ног до головы, явно не веря, что этот ледяной человек на такое способен. — А ты-то с кем целовался? С возлюбленной своей?

Цзыман промолчал, не сводя с него глаз.

— Ха! — Цинь Яо хлопнул в ладоши. — Так я и знал! Сам не умеешь, а еще учить вздумал, ты же просто... хм?

Вкус Чжан Цзымана... тепло его кожи...

Цинь Яо осторожно коснулся своих губ. Цзыман только что... поцеловал его?

— Понял? — сердце Чжана колотилось в груди, как безумное, но он оставался невозмутимым.
— Первый поцелуй не должен быть слишком страстным. Только касание, чтобы не спугнуть.

Говоря это, он мысленно возвращался к ощущению той мягкости, что теперь навечно отпечаталась в памяти. Кровь бурлила в жилах, а уши густо покраснели.

Цинь Яо издал неопределенное «а-а», усаживаясь на кровати по-турецки. В голове у него воцарился полнейший хаос, требующий немедленной сортировки.

Поцелуи — это явно не то, что делают просто друзья. Раз Чжан Цзыман его поцеловал, значит ли это...

Яо тряхнул головой и искоса взглянул на соседа. Тот впервые не пялился на него, а сосредоточенно изучал свой длинный меч.

Высокий, статный, с тонкими чертами лица и вечно холодным выражением... Человек, который даже говорит без эмоций. Стал бы такой целовать кого-то без причины?

Впервые в жизни Цинь Яо всерьез засомневался в своей проницательности.

«Если он меня любит... как я мог этого не заметить?»

Когда Чэн Минь проснулся, был уже вечер. Закат пробивался сквозь дыры в шторах, оставляя на облезлых стенах неровные пятна света.

Юй Фансюй был примерно одного с ним телосложения, и вдвоем им на этой узкой лежанке было, мягко говоря, тесновато.

Фансюй еще спал, но Чэн Минь внезапно почувствовал неладное. Кровать была жесткой, но там, где лежали его ноги, ощущалось нечто подозрительно мягкое.

Он опустил взгляд, и волосы у него на затылке зашевелились: одна его нога преспокойно покоилась на бедре Юй Фансюя!

Чэн Минь, стараясь не дышать, приподнял ногу, замер, а затем медленно, по миллиметру,

перевернулся и вытянулся в струнку. Он зажмурился, отчаянно молясь, чтобы Фансюй проснулся как можно позже...

— М-м...

Он крепче сжал его в объятиях за талию. Юй Фансюй прижался к нему со спины, согнул колено и ощутимо уперся Чэн Миню в поясницу.

— Сяо Минь, уже проснулся?

У Чэн Миня, чья совесть была явно нечиста, не хватило духу на полноценную вспышку гнева. Он лишь прошипел, изображая раздражение:

— Не выспался я! Какого черта ты меня будишь?!

Фансюй снова что-то промычал и притянул его еще ближе.

— Тогда поспи еще.

Минь чувствовал, что тело Юй Фансюя прохладное, за исключением... одного крайне горячего участка.

— Что, уже не спится? — Фансюй подпер голову рукой и зевнул, наблюдая, как Чэн Минь лихорадочно натягивает одежду.

Тот мысленно проклял его восемьсот раз, но это странное ощущение жара в районе копчика никак не желало проходить.

Бросив Юй Фансюя зашнуровывать ботинки, Чэн Минь распахнул дверь и едва не врезался в Цинь Яо, который неподвижно стоял на пороге.

— Мать твою... — выдохнул Минь. — Ты чего здесь встал? Роль Каяко репетируешь?

— Лу Чжао мертва, — бесстрастно произнес Цинь Яо. У Чэн Миня мурашки пробежали по коже.

И впрямь Каяко. Сразу с отчетом о жертвах.

— Что?! — вынырнул из-за спины Юй Фансюй. — Когда это случилось?

— Староста только что выловил ее тело. Пойдемте вниз, посмотрим? — Яо вздохнул и потянул Чэн Миня за собой, оставив позади озадаченного Чжан Цзымана.

Юй Фансюй покосился на Чжана:

— Брат Чжан, есть подвижки?

Тот ответил туманно:

— Сложно сказать...

Поцелуй был, а вот понял ли Цинь Яо его смысл — Цзыман и сам не знал.

Внизу, у самого входа, столпились староста и жители деревни. Весь первый этаж заволокло густым дымом; едкий горький запах с пряными нотками забивался в ноздри, кружа голову. Чэн Минь придержал Цинь Яо у лестницы:

— Что они жгут?

— Староста говорит, какую-то «священную траву», — припомнил Яо. — Мол, дар Горного бога, защита для всех живущих.

— Спустимся, — Юй Фансюй первым пошел вниз.

На них никто не обратил внимания. Все взгляды были прикованы к старосте, который кружил в диком танце вокруг жаровни. В углях трещали черные сухие ветки, рассыпая снопы искр. Обугленные прутья светились алым в полумраке, напоминая тысячи крошечных злобных глаз, следящих за присутствующими.

В воздухе поплыл странный аромат, напоминающий запах жареного мяса. Чэн Минь огляделся и заметил на полу неподалеку черное, обугленное тело. Черты лица стерлись, волосы сгорели, а одежда под воздействием высокой температуры расплавилась, слившись с поврежденной плотью в тошнотворную массу.

Чэн Миня замутило.

— Говорили же, что ее выловили из воды? — Юй Фансюй нахмурился, разглядывая явно сгоревший труп.

Цинь Яо кивнул:

— Да, староста сказал, что ее нашли в реке Ваншуй и тут же вытащили.

Когда староста закончил свой жутковатый обряд, Чэн Минь с Цинь Яо подошли расспросить его. Картина вырисовывалась странная.

Оказалось, что староста, следуя «указаниям Горного бога», каждый день отправлялся к храму для совершения треб. Лу Чжао, решив не упускать шанс, попросилась с ним. Но она была чужачкой. В деревне никогда не позволяли посторонним участвовать в священнодействиях, и староста, опасаясь гнева божества из-за нарушения приличий, отказал ей.

— И тогда эта девчушка убежала сама, — причитал староста, глядя на обгорелые останки. — Сказала: раз не берете, сама дорогу найду. Я-то думал, она заплутает и вернется, а оно вон как вышло... Эх, такая молодая, и нет больше девки.

Цинь Яо смотрел на тело с тяжелым сердцем. Лу Чжао не была злым человеком — просто хотела выполнить задание и получить награду побольше. Но судьба порой бывает безжалостна: одно мгновение, и колесо жизни перемалывает тебя в пыль.

Чэн Минь был настроен иначе. Смерть Лу Чжао была ужасной, но во многом она сама была виновата. Видеть, что дело дрянь, впервые оказаться в Осколке измерения и при этом в одиночку пойти к подозрительному храму... Пожалуй, это можно было назвать закономерным итогом безрассудства.

— Но почему она так обгорела? — спросил Чэн Минь.

— Не ведаю, — старик покачал головой, глядя с искренней жалостью. — Знаю только, что река Ваншуй — место недоброе, там водяные призраки водятся. А почему она такая стала... боги весть.

— А Горный бог ничего не сказал? — вставил Цинь Яо.

По словам старосты, Горный бог разгневался из-за того, что Лю Хо разрушил дамбу. Лу Чжао знала дорогу к храму — неужели это «божество» ее и убило?

Староста замахал руками, его изборожденное морщинами лицо осунулось. Видно было, что он не на шутку напуган.

— Нет, нет! Великий Горный бог в ярости, он больше не желает являть свою милость!

Чэн Минь мысленно выругался. «Милость», как же.

— Слушай, Яо-цзы, — Минь отвел друга в сторону и пересказал ему то, что узнал от Юй

Фансюя. — Тебе не кажется, что убийца и есть этот самый «Горный бог»?

Цинь Яо задумался:

— Но разве Горные боги существуют на самом деле?

— В том-то и дело! Скорее всего, кто-то просто водит всех за нос! — Чэн Минь даже воодушевился. Если за этим стоит человек, бояться нечего. — Кто-то прикрывается именем Горного бога, чтобы манипулировать жителями и достичь своих целей.

Цинь Яо засомневался:

— Если бы он хотел обманывать их ради наживы, он бы старался, чтобы деревня процветала. А посмотри вокруг — тут же шаром покати, богам и есть-то нечего.

Повсюду песок и чахлая поросль. В таких условиях вера старосты казалась почти фанатичной.

— А вдруг это и правда нечисть? — предположил Яо. — Которая просто хочет уничтожить этот мир?

— Исключено! — отрезал Чэн Минь, решив на время забыть о недавнем знакомстве с водяным призраком. — Нет никаких привидений, мы должны быть стойкими материалистами!

—... Но мы же внутри Осколка, — напомнил Цинь Яо шепотом. — Бюро предупреждало, что это память измерения, которая может исказиться и породить черт знает что.

Чэн Минь нахмурился. Если это аномалия самого Осколка, то версия с материализмом трещала по швам.

— Нужно осмотреть комнату Лу Чжао, — подошел к ним Чжан Цзыман. — Мы с Юй Фансюем уже проверили труп: внутренности и вещи превратились в уголь, зацепок нет.

— Ладно, — кивнул Чэн Минь.

Цинь Яо сорвался с места, но Минь вовремя ухватил его за шкурку — парень едва не пересчитал носом ступеньки.

— Да куда ты летишь?! Лицо разобьешь — сам лечить будешь!

Чжан Цзыман смотрел им вслед с бездной невысказанных чувств.

Юй Фансюй сочувственно похлопал его по плечу и побрел следом за остальными. У всех свои трудности.

<http://bllate.org/book/17517/1657412>